

Письма къ читателямъ.

Въ прошломъ письмѣ мы коснулись Мудрости. Когда у насъ на Западѣ говорятъ о Мудрости, чаще всего является представле-
ніе о безстрастномъ философѣ или даже объ отжившей старости.
А между тѣмъ, Мудрость—ступень сознанія, черезъ которую со-
временемъ пройдетъ все выросшее человѣчество. Ступень эта до-
стигается тогда, когда ярко освѣщенный, остро переживаемый
кругъ личнаго опыта, личныхъ чувствъ и ощущеній все болѣе
расширяется, и развивающееся внутреннее зрѣніе человѣка дѣлаетъ
его способнымъ различать тѣ мириады невидимыхъ нитей, которыя
соединяють освѣщенное поле его личныхъ переживаній съ жизнью
остального міра. Представимъ себѣ могучій дубъ; вначалѣ онъ
былъ той идеальной точкой внутри жолудя, невидимой и невѣсо-
мой, которую вѣрнѣе всего назвать *идеей*; но въ этой идеѣ заклю-
чался весь дубъ со всей своей сложной красотой. Чтобы осуще-
стилась эта идея, потребовались мириады веществъ, множество
силъ, взятыхъ изъ почвы, воды, воздуха и отъ солнца. Попробуемъ
погасить въ своемъ воображеніи солнце, уничтожить почву и влагу,
и дубъ исчезнетъ, онъ станетъ невозможенъ, какъ и вся при-
рода, которая можетъ существовать только въ совершенномъ
единствѣ всего мірозданія, въ глубочайшей взаимной зависимости
каждой отдѣльной формы жизни и всего Цѣлаго. То же можно ска-
зать и о разумной человѣческой душѣ: она стоитъ лицомъ къ лицу
съ объективнымъ міромъ и вбираетъ въ себя все, что въ состояніи
взять отъ земли и отъ неба, и отъ великой человѣческой семьи
со всѣми многообразными культурами различныхъ вѣковъ и на-
родовъ. Все это душа вбираетъ въ себя, какъ дубъ вбираетъ эле-
менты земли и солнца, и нѣтъ въ человѣкѣ ничего, ни единаго
атома, физическаго или духовнаго, котораго онъ не получилъ бы
отъ міра. Онъ *все* взялъ отъ міра и долженъ *все* отдать міру. Въ

этомъ—вся тайна вселенской этики, и на справедливомъ равновѣсїи между „взятымъ“ и „отданнымъ“ держится вся гармонія мірозданія.

Мудрость владѣеть ключомъ къ пониманію единства Жизни. Но, чтобы достигнуть Мудрости, необходимо пройти черезъ *самопознаніе*, самопознаніе же неминуемо вызываетъ потребность водворить порядокъ въ своей душѣ, въ ея внутреннемъ обиходѣ, приводитъ къ необходимости *душевной культуры*. Появленіе этой потребности—чрезвычайно важный моментъ въ развитіи человѣчества; и можетъ быть во всемъ мірѣ нѣтъ народа, для котораго въ такой степени важно пробужденіе этой потребности, какъ для народа русскаго. Восхищеніе вызываетъ у европейца ширина, талантливость, быстрота, съ которыми все схватывается русскимъ умомъ, и тотъ же европеецъ смотритъ съ глубокимъ недоумѣніемъ на преступную безпечность, съ которой русскій человѣкъ отао-сится къ своей собственной и къ чужой жизни, къ своему земному устроенію, къ тѣмъ подробностямъ существованія, изъ которыхъ вырастаетъ красота Жизни. Когда-то меня сильно поразили слова Гейне, если не ошибаюсь въ его *Reisebilder*: „wenn ich einen Liffländer von *unserem* Dibitsch und von *unserem* Russland spreshen höre, ist es mir, als ob ein Hering den Walfisch für seinen Landsmann und das Weltmeer für seine Heimath hielte“ *). Эти слова звучатъ очень странно въ устахъ европейца, но не въ устахъ поэта. Интуиція поэта повѣдала Гейне, что у русской души есть свойства, которыхъ не найти ни у одного народа. Если взглянуть въ особенности русскаго народа и его жизни, его особья свойства можно объяснить тремя главными причинами: шириной и необъятнымъ просторомъ земли русской (причина географическая); вѣками дрящущимися, почти непрерывавшимися страданьями народными отъ „труса, глада, нашествія иноплеменныхъ“, темноты и т. д. и т. д., что въ прямой связи съ ея незащищеннымъ просторомъ (причина историческая); и третья, психологическая причина, явившаяся какъ отраженіе двухъ первыхъ условій въ душѣ народной, это—ранѣе чѣмъ у другихъ народовъ пробудившееся *сверхличное начало*, то, что индусы называютъ *Budhi* (Духовность), второй принципъ отраженной въ человѣкѣ божественной Троицы**), о чемъ мы поговоримъ съ читателемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ.

*) „Когда я слышу лифляндца, говорящаго про *нашего* Дибича и про *нашу* Россію, мнѣ кажется, что селедка называетъ своимъ соотечественникомъ кита и своей родиной открытый океанъ“. (Цитату привожу на память).

**) Эта причина, конечно, главная (*Прим. ред.*).

Интуиція подсказала поэту ширину русской души, сложившейся на необъятном просторѣ открытыхъ равнинъ, гдѣ такъ привольно разгуливать бурямъ и непогодамъ, на ея выкованную въ страданіяхъ терпѣливую силу, на ея устремленіе вверхъ къ Вѣчному. Но все это пока—непроявленные свойства народной души; истинная ихъ цѣнность обнаружится въ народномъ творествѣ, которое еще впереди. Весь смыслъ человѣческаго существованія на землѣ въ творествѣ; все, начиная съ нѣдръ матери-земли съ ея камнями и металлами и кончая собственной душой, должно пройти черезъ сознательное творчество человѣка. Вся земная жизнь, всѣ прошлыя, настоящія и будущія цивилизаціи, всѣ эти громады городовъ, величественные храмы, чудные сады, вся человѣческая культура отъ мельчайшихъ ея подробностей до величайшихъ произведеній вдохновеннаго гения—не болѣе какъ средство для того; чтобы появилось человѣческое творчество, и цѣль вовсе не въ этихъ внѣшнихъ формахъ, а въ развитіи творческой силы души. Западный европеецъ и тотъ лифляндецъ, о которомъ упоминаетъ поэтъ, несравненно культурнѣе русскаго, но онъ сотворилъ изъ своей культуры „кумира“, онъ превратилъ ее изъ средства въ цѣль, онъ готовъ отдать за нее все, вплоть до божественнаго дара—свободы своей собственной души... Преклоняясь передъ ея внѣшними формами, онъ забылъ, что признакъ истинной, праведной культуры въ томъ, чтобы жизнь *всѣхъ* становилась легче, благороднѣе и красивѣе; онъ не хочетъ видѣть, что культура, которая вызываетъ жестокость и грубость, какъ мы это видимъ въ современномъ мірѣ, которая выращиваетъ индивидуальный и народный эгоизмъ, явно нарушая законы Духа, что такая культура превращается изъ источника блага въ источникъ зла и становится не благословіемъ, а поводомъ для зависти, вражды и разъединенія. Но и *безъ* культуры великій народъ не можетъ существовать. Чтобы выполнить свою міровую миссію, онъ долженъ внести *свою* въ общечеловѣческое творчество. Первая половина исторической жизни русскаго народа, которая такъ ярко запечатлѣлась въ выраженіи: „земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ“, заканчивается на нашихъ глазахъ. Чтобы продолжать жить исторически и жить хорошо, русскій народъ долженъ водворить праведный порядокъ въ своей великой и обильной землѣ. Иначе, не смотря на свои колоссальные размѣры, Россія сведется къ ничтожеству. Тоже самое примѣнимо и къ психологіи русской души. Какъ необъятныя поля Россіи и неисчислимыя богатства ея природы требуютъ ухода, просвѣщеннаго труда и водворенія хоро-

шаго порядка, столько же это необходимо и для русской души. Мы гордимся нашей широтой. Мы презираемъ „мѣщанство“, намъ нравится наша яркость, смѣлость порывовъ, острота переживаній, неожиданные взрывы, жуткая неуравновѣшенность — то „къ звѣздамъ поднятье, то въ бездну паденье“. Но пока все это богатство не подчинится *контролю воли*, не пройдетъ *черезъ самопознаніе* и не осуществится въ *жизненномъ творчествѣ*, до тѣхъ поръ оно не столько служить жизни, сколько мѣшаетъ жить. Какъ въ роскошномъ, но неустроенномъ домѣ, гдѣ все свалено въ хаотическомъ безпорядкѣ, электрическіе провода перепутаны, водопроводные краны не дѣйствуютъ, рояль не настроенъ и т. д. Не окажется ли гораздо пригоднѣе для жизни скромное жилище, въ которомъ все приведено въ стройный порядокъ? Это сравненіе условно вѣрно въ томъ отношеніи, что чѣмъ богаче и сложнѣе душевная жизнь человѣка, тѣмъ настоятельнѣе нужны внутренняя культура, самопознаніе, приведеніе всѣхъ свойствъ въ гармоническое сочетаніе. Психологія западныхъ народовъ создавалась подъ влияніемъ внѣшней культуры; творя ея, они по собственному почину налагали узду на свою низшую природу. Ихъ культура была одновременно и школой народнаго воспитанія. Не то у насъ. Нашему добровольному участию въ культурномъ творчествѣ ставились всевозможныя преграды, оттого оно и не воспитывало насъ. На Западѣ самовоспитаніе шло *извнѣ*, отъ внѣшней культуры; намъ нужно начать самовоспитаніе *изнутри*, создать высокую внутреннюю культуру, которая и будетъ направлять линіи нашего внѣшняго творчества. Это возможно потому, что наша очередь творить пришла тогда, когда западные народы успѣли уже выработать огромный историческій опытъ, изъ котораго намъ остается лишь разумно выбирать самое лучшее. Благодаря этому условію и благодаря особенностямъ нашей народной психологіи *), наша историческая задача становится совершенно особой; объединить все лучшее изъ западно-европейскаго творчества въ такую культуру, которая будетъ служить *всему* народу, дать возможность поднять и облагородить жизнь *всѣхъ*. Но безъ душевной культуры подобная миссія не выполнима. Наука, разрабатывающая „культуру души“, на Западѣ даже и не возникала. Но она всегда существовала на Востокѣ; средоточія ея были въ тѣхъ оккультныхъ школахъ, которыя во всѣ вѣка помогали сильнымъ духомъ подняться

*) Никто не освѣщаль такихъ глубокихъ слоевъ русской психологіи, какъ Достоевскій; онъ подмѣтилъ *свергличное начало* въ русской душѣ и выразилъ свое провидѣнье во вдохновенной рѣчи, сказанной на Пушкинскомъ праздникѣ.

на высшую ступень развитія, выражавшуюся въ душевной чистотѣ, благородномъ настроеніи и въ самоотверженной дѣятельности на пользу міра. Одна изъ задачъ современной теософіи — повѣдать міру методы этихъ школъ высшей духовной культуры. Коренной основой, на которой опиралась древняя наука о душѣ, служить ученіе объ эволюціи человѣка. Наука эта разсматривала не одно земное существованіе личности, но весь великій круговоротъ жизни, чрезъ который проходитъ бессмертная душа человѣка и во время своихъ многочисленныхъ воплощеній на землѣ, и въ періоды потусторонняго развитія между смертью и слѣдующимъ рожденіемъ. Для нея земное существованіе человѣка было лишь промежуточнымъ эпизодомъ, имѣющимъ огромное прошлое *позади* и необъятное будущее *впереди*.

У Эмерсона есть интересная страница, ярко рисующая религиозное міровоззрѣніе Запада. Въ ненастную осеннюю ночь въ древнемъ замкѣ собралось нѣсколько рыцарей вокругъ пылающаго камина. Они тихо бесѣдуютъ о бессмертіи души. Вдругъ въ залу влетаетъ птичка и, сдѣлавъ нѣсколько круговъ въ освѣщенномъ пространствѣ, снова улетаетъ въ темноту ночи. Для присутствующихъ птичка эта явилась живымъ символомъ таинственной загадки жизни. Откуда появилась она? Куда улетѣла? Религиозная мысль Запада не отвѣчаетъ на эти вопросы. Ей извѣстны условія человѣческаго существованія лишь въ тѣсныхъ предѣлахъ земного міра. Оттого у насъ на Западѣ столько духовнаго смятенія, такое мучительное недоумѣнье передъ неразгаданными тайнами бытія. Совершенно иное отношеніе у религиозной мысли Востока къ жизни и къ смерти: для нея судьба птички *внѣ* освѣщеннаго зала не тайна. Она знаетъ ея прошлое, знаетъ и то, что, покинувъ освѣщенное пространство, она не погибнетъ во мракѣ, а дождется зари и съ новыми силами и съ ликующею пѣснью полетитъ навстрѣчу восходящему свѣтилу.

Въ слѣдующихъ письмахъ мы будемъ бесѣдовать съ читателемъ о культурѣ души въ томъ освѣщеніи, которое дается ученіями Древней Мудрости.

Другъ читателя.